

Уильям Шекспир

БОНУРЫ

*Художественный перевод
Ирины Шулениной*

Гамара
2024

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
Ш 41

Шекспир У.

Ш 41 Сонеты: Художественный перевод И. Шуле-
ниной. — Самара: Самарская областная писа-
тельская организация, 2024. — 160 с.

ISBN 978-5-9938-0078-3

Сборник сонетов открывает перед любителями поэзии таинственный и удивительный мир Уильяма Шекспира. В книге представлен художественный перевод всех сонетов Шекспира. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-9938-0078-3

© Шуленина И.В., 2024

© Самарская областная
писательская организация, 2024

От автора

Сонеты Шекспира до сих пор не раскрыли перед нами всех своих тайн. Почти пятьсот лет лучшие литературные умы бились над разгадкой инициалов шекспировских сонетов. Но так и не пришли к единому мнению.

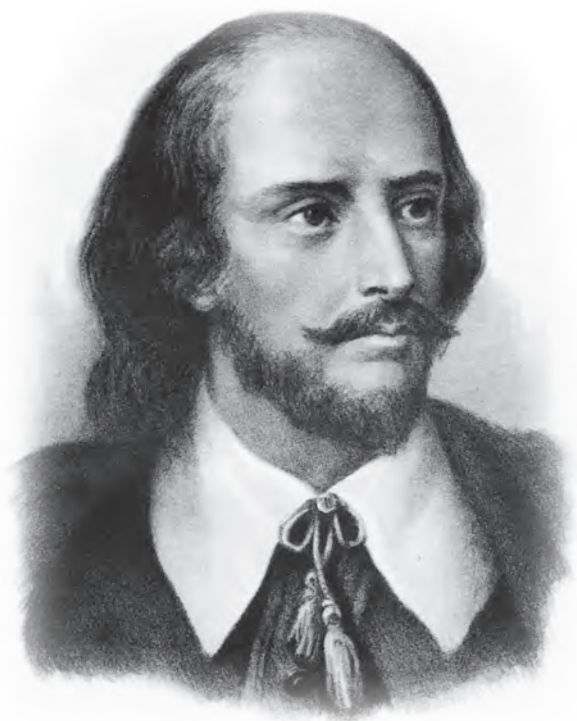
Самарский писатель Михаил Анищенко написал роман-мениппею «Открылась бездна звёзд полна...» и эссе «Разоблачённые сонеты. Другой Шекспир», в которых попытался приоткрыть завесу тайны, которая оказалась простой и одновременно сложной, как сама тайна жизни. Его трактовка нашла отражение в подстрочнике переводов Шаракшанэ и легла в основу моего художественного перевода сонетов Шекспира. Если изменить нумерацию сонетов согласно логике повествования, то получится ещё одна трагедия великого лицедея и мистификатора. Сонеты посвящены Смуглой Леди, которую главный герой уговаривает родить ему ребёнка. Далее идут сонеты, описывающие тайну беременности и метафизику родов, первую встречу счастливого отца с новорожденным; горечь расставания с возлюбленной и сыном; редкие встречи с ними; разочарование в возлюбленной, ревность, страдание и оправдание любимой, равное самоуничтожению перед ней; отчаяние отверженного любовника; затем – обличение в нравственном разло-

жениии современного ему общества, гнев в отношении своих гонителей. Всё это пронизывает нескончаемый гимн великой любви к Прекрасной Даме! Вот что такое сонеты Шекспира.

Лишь два сонета полностью посвящены своему покровителю-Другу — 26-ой, с благодарностью за его помощь и 134-й, в котором автор признаётся, что доверил ему право на свои сонеты. Не этим ли объясняется двусмысленность, которую приобрели некоторые из них, побывав в руках у нового владельца?

Предлагаю вам свой вариант перевода сонетов Шекспира.

Ирина Шуленина

1

От жён прекрасных мир детей желает,
чтоб в жизни не скудела красота.
Коль время розе гибель приближает,
росток — наследник нежного куста.

В своём бутоне он лелеет память
об этой розе, свежей и живой.
А ты, истратив жизненное пламя,
покроешься забвения травой.

Сегодня — украшеньё золотое
в весеннем изобилии земли,
а завтра скупость дно твоё пустое
заполнит с расточительностью тли.

Тогда сама себя ты будешь есть,
червям не оставляя эту честь.

2

Как сорок зим избородят чело
морщинами траншея за траншеей,
так нежность кожи юности былой
становится шагреневою на шее.

Где красота девичья прошлых дней,
всеобщее боготворенье, слава?
Старая, станет образ всё страшней,
на восхищенье не имея права.

Но, если можно с гордостью сказать:
«Вся красота моя в моём ребёнке:
моя былая нежность, юность, стать
и прежняя улыбка в смехе звонком», —

увидишь, что в нём кровь твоя бежит,
и вновь захочешь петь, любить и жить.

3

Твоё лицо, что в зеркале видно,
становится старше год от года.
Тебе создать другое суждено,
как требует того сама природа.

Уходит юный возраст золотой.
Где та, чьё невозделанное лоно
пренебрежёт весенней пахотой?
Ведь время к пустоцветам непреклонно.

Ты зеркало для матери своей:
она в тебе себя увидит юной.
И ты от дочерей и сыновей
почувствуешь источник жизни бурной.

Но если не оставишь ты детей,
умрёт твой образ в памяти людей.

4

Не знаешь цену ты своим годам
и расточаешь все дары природы,
подобно многим из прекрасных дам,
впустую тратишь жизненные годы.

Природа красоту даёт взаймы
и требует отдачи год за годом.
Скупых встречает горький взгляд зимы,
а щедрых лето продолжает родом.

Когда живёшь ты только для себя,
то красота со временем хиреет,
и одиночество — твоя судьба
накроет лик морщинистой ливреей.

Останется обглоданная кость
и вбитый в крышку гроба медный гвоздь.

5

Часы родной земле, к весне готовой,
рисуют образ редкой красоты,
но лето нас ведёт к зиме суровой,
и листья опадают с высоты.

Все соки будут схвачены морозом,
как саваном укроет землю снег,
и ледяная дань метаморфозам
скуёт течение наших синих рек.

Когда внутри нет красоты душевной,
то внешняя исчезнет без следа,
жизнь ваша станет жалкой и плачевной,
и тусклыми покажутся года.

Ведь если пустоту душа несёт,
охватывает время, словно лёд.

Не жди, когда зимы нагие руки
обезобразят летний хоровод.
Оставь себя цветком на жизни круге,
который будет продолжать твой род.

Десятикратно можно стать счастливей,
когда дитя играет у колен.
Сокровище твоё — на этой ниве,
а пустоцвет себе готовит тлен.

От одиночества душа страдает,
коль червь соблазна был неутомим.
Но красота твоя, как снег, растает,
и молодость исчезнет, словно дым.

Когда наложит смерть последний грим,
то будет червь наследником твоим.

7

Поднимет благодатное светило
пылающую голову корон,
и отдаются почести и милость
тому, кто возглавляет этот трон.

Когда сияет наше солнце в полдень,
как крепкий человек в расцвете лет,
то свет его велик и благороден,
и смертные любятя вослед.

Когда слабеет солнечный возница,
как старец, что достиг преклонных лет,
и клонится на землю колесница,

никто не смотрит вдаль на тусклый свет.
И одинокий человек боится,
коль хоронить его потомков нет.

Ты музыка для слуха, почему
печалишься, когда её услышишь?
Приятное — к приятному: ему
приятно всё, чем ты живёшь и дышишь.

Не радуется гармония тебя,
но нравится тебе твоя досада,
и, звуки струн беспечно теребя,
мелодии своей совсем не рада.

Не оттого ль, что струны, как семья,
живут, поют и радуются вместе?
Супруги, жёны, дети: сыновья
и дочери дарят счастливой песней?

Где голосом одним — сто голосов,
прекрасна песня и без лишних слов.

9

Боишься стать печальной вдовой,
поэтому свободна, одинока?

Но, если в поле вырос сухостой,
от пустоцвета не бывает прока.

Намного горше тихая печаль,
когда стареет человек бездетным.
Оплакать смерть его не будет жаль,
и горе это будет беспросветным.

Вдова любая, глядя на детей,
припоминает о любви и счастье,
а одиноких на исходе дней
ждёт не забота близких, а ненастье.

Растрата красоты для них — конец,
любви нет ни к кому у тех сердец.

10

Неправда, что ты любишь здесь кого-то,
любима многими, но холодна.

Ты в жизни неразумна без расчёта,
в любви свободой пользуясь сполна.

Ты зло и ненависть впустила в душу,
но это — козни для самой себя,
когда не беспокоит хлеб насущный
и кров родной не важен для тебя.

Пока есть в красоте такая сила
и мир вокруг тебя как райский сад,
ты прояви к себе любовь и милость,
и мненье изменить я буду рад.

Роди себя мне, будь добросердечной,
и в детях красота пребудет вечно.

11

Когда краса твоя придёт в упадок,
ты расцветёшь среди своих детей,
которыми ты делаешь подарок,
как дерево даёт ростки корней.

И красота твоя достойна роста
детьми, в которых кровь твоя течёт,
а старость загнивает, как болото,
и одиноко вянет в свой черёд.

За три двадцатилетья мир исчезнет
и прекратиться могут времена,
когда бесплодные погибнут в бездне,
которая поглотит имена.

Ты благо получила от небес,
так приумножь его, как дерево лес.

12

Когда считаю бой своих часов,
который сообщает миру время,
я вижу, что прекрасный день готов
стать чёрной ночью, как гнилое семя.

Фиалок увядает свежий цвет,
и кудри соболиные седеют,
лес облетает, словно был раздет,
и люди умирают и стареют.

Ложится зелень, пожелтев, в снопы,
которые везут на сельских дорогах.
Подумай о себе под стук копыт:
перед тобой такая же дорога.

Когда есть сыновей надёжный щит,
то время грузом жизни не томит.

13

О, пусть бы ты принадлежал себе!
Но жизнь принадлежит тебе настолько,
насколько ты покорен был судьбе.
И мне от этого бывает горько.

Чем ближе жизнь к бесстрастному концу,
тем дни горят быстрее, чем лучина.
И красота, что так тебе к лицу,
увянет в многочисленных морщинах.

Останется до века крепким дом,
когда твой сын наследует твой облик
и передаст твои слова потом,
как те слова, что я сказал без боли:

Мой сын, ты знал отца, и потому
пусть сын твой то же скажет своему.

14

Суждения со звёзд я не беру,
но всё же астрономией владею,
не так, чтобы вовлечь в свою игру,
а чтобы описать свою идею.

Не предскажу дела государей,
дожди и град, безветрие и ветер,
но для любимой я — пророк, и с ней
я забываю обо всём на свете.

Твои глаза — как свет далёких звёзд,
и в них я вижу всю свою мудрость.
Когда красу свою ты пустишь в рост,
то в детях обретёшь вторую юность.

Иначе время приговором лет
обезобразит твой земной портрет.

15

Что появляется, растёт, как древо,
и расцветает на короткий миг.
Определяют звёзды срок посева
и ставят постановки меж людьми.

Развитие людей, как рост растений,
определяет всем своя звезда.
Тщеславна юность, но пора взрослений
её черты стирает навсегда.

И солнечный возница — царь рассвета,
но колесницу ждёт обратный ход:
от высшей точки нашего расцвета
к нам Увяданье холодом придёт.

Что время у тебя забрать готово,
привью тебе своей любовью снова.

16

Но почему ты миришься с годами
и не ведёшь со Временем войну,
пасуешь перед жалким увяданьем?
Стихами не прикроешь седину.

Сейчас ты на земной вершине счастья
и можешь посадить свои цветы,
похожие так на тебя отчасти,
что блекнут все портретные черты.

Ни кистью жизни, коей мир освоен,
ни моему учебному перу
не передать всех внутренних достоинств
и внешней красоты твоей игру.

Себя размножив здесь цветами жизни,
ты будешь в мире жить и после тризны.

17

Поверят ли моим стихам, когда
они для красоты твоей — гробница?
Достоинствами полная звезда
наполовину в образе искрится.

Я описал бы прелесть нежных глаз,
но мир меня объявит лжепоэтом:
«Таких красавиц нет у нас сейчас,
и не бывало ранее при этом.

Античным слогом воспылал поэт
к воображаемой прекрасной даме,
ведь никогда ничей земной портрет
не обладал подобными чертами!»

Но, если б ты оставила детей,
свидетельство б дошло до этих дней.

18

Нельзя тебя сравнить мне с летним днём.
Срок лета краток: манит и обманет.
Тиха ты, словно чистый водоём,
но часто он бывает затуманен.

С бутоном майским сравнивать нельзя:
от ветра сотрясается он часто.
В прекрасном появляется изъян
от времени, от случая, несчастья.

Твоя не потускнеет красота,
как у цветов в божественной аллее!
И смерти неземная высота
не будет хвастать, что тобой владеет.

Пока живут и дышат в мире люди,
в моих стихах бессмертной ты пребудешь.

19

Всепожигающее время, зло,
стирающее когти в лапе львиной,
заставь всю землю поглотить приплод
и зубы рви из челюсти тигриной!

Жги птицу Феникс от её огня
и сотвори природу нашу зримо
от мрачного до радостного дня,
но только не давай морщин любимой!

Её не трогай нежное лицо,
в котором образ красоты дан людям.
А впрочем, делай всё в конце концов:
для нас вечны все те, кого мы любим.

Возлюбленная будет вечно жить
в моих стихах, которых не забыть.

20

Твоя природа из другого царства,
в душе твоей свет красоты нездешней,
и в сердце нет того непостоянства,
которое бывает в жизни грешной.

Ты женщиной Природой создавалась,
приняв любовь земную без сомнений,
и получила крошечную малость,
которая лишает наслаждений.

Сейчас ты вся в своей природной власти,
и мне теперь нельзя с тобою жить.
Пусть господин моей любовной страсти
растёт под сердцем нежной госпожи.

Моя любовь живёт в тебе сейчас,
как общее сокровище для нас.

21

Я не похож совсем на тех поэтов,
чью Музу вдохновляет красота,
которая так пафосно воспета,
но в пышном величании пуста.

Они прекрасное перечисляют,
эпитеты меняя без числа,
к луне и солнцу взоры обращают
сравненьями, в которых нет тепла.

Любимая любой не уступает,
кто матерью земною рождена,
хотя звездой небесной не блистает,
но нежностью своей озарена.

Пишу я истину без лишних слов
и не намерен украшать стихов.

22

Все зеркала меня не убедят,
что стал я стар, пока ты так прекрасна.
Морщины коль увижу у тебя,
то смерть меня возьмёт на небо властно.

Пусть облачает красота тебя,
а взгляд мой дарит нежным одеяньем,
храня в тебе частицу от меня,
в которой наше общее дыханье.

Я в сердце сердце берегу твоё,
и ты храни под сердцем дар бесценный,
а я клянусь беречь в тебе своё,
как няня при заботе сокровенной.

Когда настанет время и умру,
то эту тайну сердца заберу.

23

Я пред тобою, как плохой актёр,
от страха запинаящийся в речи,
внутри которого вселенский хор
решил настроить голоса при встрече.

Я путаю любовные слова,
теряясь в этом нежном ритуале.
От силы чувств пылает голова,
но ты не можешь внять моей печали.

Ты говоришь, любовь из года в год
лишается как будто прежней мощи.
Пускай мои стихи растопят лёд,
когда язык сказать не может проще.

Умение читать в глазах любовь —
часть тонкого ума любви без слов...

24

Мои глаза художника с надеждой
твою запечатлели красоту
и сохранили в сердце образ нежный,
подняв на неземную высоту.

Картине этой тело служит рамой,
душа как мастерская для неё.
Наполнен я моей прекрасной дамой,
и окна мастерской — глаза её.

Пока мои глаза находят отклик,
твои глаза есть окна для меня.
В них часто солнце освещает облик
и видит в нём всегда одну тебя.

Мои глаза что видят, то рисуют:
твоё не зная сердце, не взыскуют.

25

Пусть те, кому благоволит звезда,
лелеют гордо титулы земные.
Меня обходят почести всегда,
мои земные радости иные.

Любимцы сильных мира всех веков
подвержены немислимой гордыне:
как лепестки у жёлтых ноготков,
что распускаются на солнце ныне,

но гибнут, если солнце в облаках.
Так воин, славный битвами своими,
который терпит за победой крах,
тотчас теряет в книге чести имя.

Я счастлив, что люблю и сам любим,
и этим счастьем я неуязвим!

26

Вы властелин мой и моей любви,
и я сочту за честь свой долг вассала.
Имеете достоинства свои,
с которыми меня судьба связала.

Моё письмо итожит много дум
свидетельством большого уваженья,
не чтобы показать свой острый ум —
для этого нет слов для выраженья.

Я благодарность Вам хочу воздать
за помощь мне в тяжёлом положенье,
до той поры, пока моя звезда
не озарит своим расположеньем.

Когда достойным буду уваженья,
тогда явлюсь я к Вам без униженья.

27

Устав в пути, спешу в свою постель,
чтоб отдохнуть от жизненной дороги.
Но мысли вновь заводят карусель,
и открываются глаза в тревоге.

Гляжу во тьму, как видит мир слепой,
и вижу перед собой любимый образ,
как драгоценный камень неземной,
и забываю про печаль и возраст.

Ты освещаешь мрачный мир, и ночь
становится не чёрной, а прекрасной,
и все сомненья улетают прочь,
моя тревога кажется напрасной.

Не знаю я покоя ради нас
и даже ночью не смыкаю глаз.

28

Как мне вернуть благое состоянье,
когда не знаю отдыха и сна?
И ночь, и день приносят мне страданье,
и днём, и ночью мука мне одна.

Наполнен день заботою дорожной,
и ночь не может принести покой.
Друг другу руки протянуть возможно,
когда в разлуке долгой мы с тобой?

Коль днём всё небо тучи затмевают,
то ярче солнца милая моя.
Коль ночью в небе звёзды не мерцают,
то озаряет путь любовь моя.

Но с каждым днём сильнее мои печали,
а ночью так тоскую, если б знали...

29

Отверженный Фортуной и людьми,
презренье я оплакиваю с болью
и проклинаю сам себя и мир,
тревожу небо тщетною мольбою.

Мечтаю уподобиться тому,
кто наделён большим искусством слова.
Хочу иметь его я красоту,
друзей того и кругозор другого.

Но, если вдруг я вспомню о тебе,
душа поёт, как жаворонок в небе.
Твоя любовь возносит до небес —
я никогда таким счастливым не был.

Твоя любовь — со мной! — я с королями
не поменяюсь местом и ролями!

30

Когда на суд своих заветных мыслей
я вызываю прошлое, тогда
вздыхаю я о том, к чему стремился,
оплакивая лучшие года.

Затоплены мои глаза слезами,
когда я вспоминаю про друзей,
сокрытых под надгробными камнями,
которые создали мой музей.

Грущу о том, что было, но исчезло,
и плачу о страданиях любви,
а горестная память то и дело
мне предъявляет счёты от судьбы.

Но если вспомню о тебе в тиши,
уходят все печали из души.

31

В твоей груди стучат сердца людей,
которых нет давно на этом свете.
В тебе — моя любовь, и всё, что в ней,
в тебе живёт и мне, как солнце, светит.

Я всех оплакал, но моя любовь
сейчас в одну тебя переместилась.
Ты пантеон, в котором жив я вновь,
и памяти священная могила.

Что должен был я тем друзьям своим,
теперь принадлежит тебе по праву,
и что принадлежало только им,
храню в тебе, как их трофей и славу.

Я вижу всех друзей в тебе одной:
ты вместе с ними обладаешь мной.

32

Когда настанет день благословенный
и Смерти отойдёт мой бранный прах,
ты перечтёшь случайно стих мой бедный,
сравнить чтоб современников пера.

Моё стихотворенье безыскусно,
его затмит изящный слог поэм,
но их замысловатое искусство
не сможет превзойти любви моей.

Когда бы мой талант рос с этим веком,
любовь дала бы ценные плоды,
и стал бы я известным человеком,
то вновь бы пел тебе на все лады.

Прекрасен чистый стиль других поэтов,
но ты одна в моих стихах воспета.

33

Я наблюдал великолепным утром,
как солнце чествует вершины гор,
земных лугов касаясь взглядом мудрым,
позолотив лучами свой простор.

Но вскоре позволяет серой туче
обезобразить свой лучистый взор
и, прячась под накидку летучей,
крадётся невидимкой, словно вор.

Ты только час один была со мною
и скрылась, как за тучей грозовой,
но знаю я: за этой темнотою
всегда сияет Солнце надо мной!

Позволены земному солнцу пятна:
их на небесном больше многократно.

34

Ты утром предвещала ясный день,
и я забыл свой плащ во мгле белесой.
Но исказила милый лик твой тень
и скрыла отвратительной завесой.

И тьма застила свет твоим глазам,
чтоб не давать от них счастливой вести.
Никто из нас не хвалит тот бальзам,
который лечит раны, не бесчестье.

От горя моего не лечит стыд.
Твое раскаянье не облегченье,
а сожаленье после всех обид
и утешенье слабое, зачем мне?

Но слёзы драгоценные твои
искупят все страдания мои.

35

О том, что совершила, не печалься.
У розы есть колючие шипы,
а в родниках серебряных остался
слой липкой грязи и земная пыль.

Луну и солнце запятнали тучи,
Иону поглотил китовый чрев.
Живёт в бутоне сладком, самом лучшем,
слепой и отвратительнейший червь.

У всех людей имеются проступки,
и я тебя стараюсь оправдать,
но ненависть с любовью делят кубки,
в которых есть нектар любви и яд.

Я словно стал пособником у вора,
который грабит с чистотою взора.

36

Должны с тобой быть разъединены,
хотя любовь у нас неразделима,
и на тебе нет никакой вины,
но я покрыл позором своё имя.

Привязанность у нас с тобой одна,
но зло крадёт у нас минуты счастья.
На мне одном лежит моя вина,
а жизнь твоя должна быть безопасна.

Чтоб честь твою не запятнал позор,
не буду узнавать тебя при встрече,
и ты на людях опускай свой взор
и не дари мне ласковые речи.

Пусть будет честь нетронутая твоя,
ведь репутация твоя — моя.

37

Для дряхлого отца большая радость
его дитя в расцвете юных дней.
И я б утешен был с тобою рядом
достоинством и верностью твоей.

Достоинства твои — моя опора,
и я, хромой, перестаю хромать,
когда меня ты даришь тенью взора,
даруя неземную благодать.

Богатство, красота, происхождение,
блестящий ум, Фортуна от небес
облагорожены тобою без сомненья,
и ты несёшь по-королевски вес.

Когда тебе признание будет всюду,
и я десятикратно счастлив буду.

38

Какой у Музы может быть предмет,
когда тобой заполнены все чувства
и темы этой драгоценней нет,
и без тебя нет высшего искусства?

Благодари себя, когда найдёшь
стихи мои достойными для чтенья.
Ты так прекрасна, что слова все — ложь
и блекнут на бумаге все сравненья.

Для творчества сама ты даришь свет,
десятой Музой сердце беспокоя,
прекраснее которой в жизни нет,
а девять Муз тебя одной не стоят.

Когда успех придёт к стихам по праву,
отдай мне труд, себе возьми всю славу.

39

Как мне найти достойные слова,
чтоб петь о том, как схожи наши лица?
Что может принести мне похвала,
когда ты — лучшая моя частица!

Когда хвалю тебя — хвалю себя,
но мы — увы! — должны разъединиться.
У нас пусть будет разная судьба,
чтоб мне воздать свою любовь сторицей.

Когда б не мысли о любви к тебе,
какою б горькой стала мне разлука,
но благодарен я своей судьбе,
и сладостной становится мне мука.

Я воздаю свою хвалу тому,
кто отдалён ко благу своему.

40

Возьми все увлечения мои.
Но разве больше обретёшь? Похоже,
они и прежде были все твои.
Но ты ещё моё присвоил ложе!

Моё твоим ведь было до того,
как ты ещё её любовь присвоил.
Я не виню тебя за твой фавор,
но твой самообман того не стоил.

Прощаю я тебе грабёж — увы! —
хоть ты присвоил всё, чем я владею.
Но знаю, что мне горше зло любви,
чем ненависть, посеянная ею.

Хоть зло представится добром пред нами,
мы не должны с тобою быть врагами.

41

Её капризы открывают дверцу
проступкам, но не вижу я пятна.
Когда меня не допускает к сердцу,
соблазны вьются по её пятам.

Она добра — и потому в осаде,
прекрасна — и преследуют её,
навязчиво стремясь к такой награде,
которая всех ловит, словно мёд.

Увы мне! Мог бы друг мой воздержаться,
не рвать мои цветы в моём саду
и отчитать себя за святотатство,
за юность буйную и красоту.

Две верности нарушил он досуже:
её — в любви и верность в нашей дружбе.

42

Моей любимой ты сейчас владеешь,
но ты не властен над её душой.
Когда её ласкаешь и лелеешь,
не знаешь тайны страшной и большой.

Когда она тебя в кровати любит,
она стирает все твои черты
и лепит поцелуем мои губы,
на теле чувствуя мои персты.

Меня в тебе почувствовав под кожей,
старается содрать её с тебя.
В твоих прикосновениях на ложе
мои прикосновения пьянят.

И не твои она целует губы,
меня, а не тебя она так любит.

43

Чем больше я глаза свои смежаю,
тем лучше видят светлый образ твой,
поскольку днём они мир отражают,
а ночью ты встаёшь передо мной.

Смотрю во тьму, и тень твоя выходит,
и освещает тени пред собой,
которые исчезнуть все готовы,
бледнея по сравнению с тобой.

О, как бы я хотел тебя увидеть
при свете, что исходит от тебя.
Не будет солнце от того в обиде,
что ты мне словно свет живого дня!

День без тебя — как ночь, часы — пусты,
а ночь — как день, когда мне снишься ты.

44

Когда бы мыслью плоть моя была,
печали бы не знал в разлуке нашей
и вопреки дорогам без числа
я был бы там, где ты сейчас бываешь.

Тогда не важно стало б для меня,
что между нами — суша или море.
Я б долетел, как птица, до тебя,
едва вообразив тебя во взоре.

Моя душа и днём, и ночью плачет,
что мне даны страдания одни,
не лёгок я, как мысль, а это значит,
в стенаньях горьких проводить мне дни.

Плоть тяжела, и давит вес земной,
пока в разлуке долгой мы с тобой.

45

Где б ни был я, в какой бы из сторон,
к тебе летят желания и мысли.
Как лёгкий воздух и живой огонь,
поток к тебе безудержно бесчислен.

Я обращаюсь мысленно к тебе,
и нет пока сердечного ответа,
я покоряюсь горестной судьбе
и умираю, как цветок без света.

Когда придёт послание любви,
чтоб сообщить о том, что ты здорова,
я возвращаюсь к жизни, чтоб ловить
твои сердечные посланья снова.

Я, радуясь, тоскую вслед за чтением
и шлю гонцов за новым сообщением.

46

Глаза и сердце меж собой бранятся
и делят образ твой, как свой бальзам.
Глаза от сердца скрыть тебя стремятся,
а сердце не даёт смотреть глазам.

Клянётся сердце, что оно каморка,
где ты живёшь, ничьих не зная глаз,
и охраняет там оно так зорко,
как будто любит в самый первый раз.

Глаза же неизменно уверяют,
что красоту твою хранит их взор.
Но мысли суд земной определяют
и каждому выносят приговор.

В сердечном очаге горит любовь,
глаза огню бросают пищу вновь.

47

Глаза и сердце, полные тобой,
друг другу дарят добрые услуги.
Когда глаза не видят образ твой,
то мучается сердце без подруги.

Тогда гляжу, любуюсь на портрет,
и наполняю сердце ликованьем,
и, восхищённое, оно в ответ
меня пленит своим воспоминаньем.

Благодаря моей любви большой
и твоему прекрасному портрету,
всегда ты рядом и всегда со мной,
и мысли за тобой идут по следу.

Чтоб даже ночи наслажденьем были,
сны пробуждают сердце, глаз и мысли.

48

Перед дорогой я без всяких мук
сдал вещи под надёжную охрану,
чтоб защитить их от нечестных рук.
Но как тебя беречь теперь я стану?

Ты утешенье и моя печаль,
единственная, нежная забота.
Тебя не спрятать мне ни под вуаль,
ни в сундуке, ни под гранитом свода.

Хотя храню в душе твои черты —
охрана ненадёжна, если скоро
исчезнуть и оттуда можешь ты,
ведь драгоценность, как магнит для вора.

И даже честность склонна к воровству,
коль красота подобна колдовству.

49

Когда ко мне ты станешь холодна,
увидишь все досадные изъяны,
то мне печаль останется одна
и образ твой, звездою осиянный.

Когда пройдёшь, чужая для меня,
едва приветствуя меня глазами,
ничем не потревожу я тебя,
как будто не было любви меж нами.

В сознании ничтожности своей
скажу, что нет законных оснований
взаимность требовать любви твоей,
а для моей любви нет оправданий.

Чтоб защитить и оправдать тебя,
я выступить готов против себя.

50

Как тяжело скакать своей дорогой
и знать, что скажут мне в конце пути:
«Вот сколько миль по местности убогой
с подругой разделяет позади».

Измучен я печалью, от которой
и конь измучен, узы теребя,
идёт всё тише, будто знает: скорость
быстрее удаляет от тебя.

Его не подгоняет моя шпора,
и окровавлены бока коня.
Ответит он тяжёлым стоном скоро,
который ранит не его — меня.

С тобой в разлуке — горе впереди,
а радость я оставил позади.

51

Когда я еду с нашего свиданья,
нужды нет торопиться от тебя:
оправдывает горем расставанья
моя любовь медлительность коня.

К тебе спешу — счастливей всех на свете,
и медленной мне кажется езда:
я оседлать готов и быстрый ветер,
а окрылённым — горе не беда!

Не вялой плотью — огненным желаньем
любовь моя к тебе бы понеслась,
а конь, пришпоренный своим же ржаньем,
не поспевал бы за крылом седла!

Тогда коня оставляю я идти,
помчусь к тебе навстречу впереди.

52

Я как богач с ключом от сундуков,
где заперты сокровища земные,
но вижу их не часто: мир таков,
что редки удовольствия иные.

Так исключителен парад-алле,
и праздников немного для веселья,
как камни драгоценные в колье
и крупные брильянты в ожерелье.

Я бережно храню тебя в груди,
чтоб ждать момент особенно счастливый,
когда свиданье наше впереди
и я увижу снова облик милый.

Достоинства доступны — торжествую,
когда лишён — надеюсь и тоскую.

53

Любой из нас одну имеет тень,
а у тебя их миллион бывает,
и каждый нарождающийся день
твой новый образ сердцу открывает.

Адониса написанный портрет —
тебе весьма плохое подражанье.
Лицо Елены излучает свет —
на нём твоё небесное сиянье.

Заговори об осени, весне:
они перед тобою побледнеют,
зимою посереет белый снег,
затмится осень щедростью твоею.

Твой облик стал основой красоты,
а сердце — эталоном чистоты.

54

Насколько же прекрасней красота,
когда украсит верность многократно!
Прекрасны розы, но прекрасней та
которая нежна и ароматна.

Шиповника богатый колорит
подобно розам радует окраской,
его шипы имеют тот же вид,
и ветер в них играет с тихой лаской.

Шиповник увядает без следа,
из розы масло люди получают.
Ждёт пустоцвет червивая среда,
а розы доброй славой величают.

Когда уйдет твоё очарованье,
в моих стихах останется признание.

55

Ни мрамор, ни скульптуры и ни зданья
не могут пережить моих стихов,
в которых ты сияешь ярче камня,
скрывая образ в глубине веков.

Когда война коснётся этих статуй
и распри монументы разнесут,
ни Марсову мечу, ни супостату
не погубить мой стихотворный труд.

Ты вопреки неумолимой смерти
пойдёшь вперёд в сиянии венца
и удостоишься великой чести
в глазах потомства до его конца.

До Страшного Суда, до Воскресенья
живи в моих строках стихотворенья.

56

Любовь моя, возобнови свой пыл
и остроту взаимного желанья,
чтоб до смерти перед тобой я был
в неутолимом голоде познания.

Насыть сегодня мне мои глаза,
чтоб слиплись бы от сытости любовной,
и напитай, как сочная лоза,
но завтра я тебя возжажду снова.

Пусть пресыщенье, словно океан,
разводит нас своими берегами,
недолг этой сытости обман,
которой мы любовь оберегаем.

Так и холодная зима без света
втройне желанным делает нам лето.

57

Как не прислуживать тебе рабом,
ловя моменты твоего желанья?
Имеет разве время ценность в том,
чтоб тратить без тебя свой ум и знанья?

Мне без тебя нет службы никакой
и время ожиданья бесконечно.
Когда ты отсылаешь прочь рукой,
разлука длится, кажется мне, вечно.

Могу я ждать и размышлять о том,
как счастлив тот, кто может быть с тобою,
но спрашивать не буду ни о чём,
хотя в душе ревную, беспокоюсь.

Любовь глупа: в твоих капризах снова
она не видит ничего дурного.

58

Избави Бог, как преданный твой раб,
я не корю тебя за развлеченья
и не прошу с тебя отчёта — рад
свиданья ждать, хотя бы бесконечно.

Хочу ловить движенья ясных глаз
и ждать, когда опять к себе поманишь.
Терпеть я буду каждый твой отказ,
когда меня разлукой горько ранишь.

Для обвинений не найду слова:
где ты бываешь — в этом нет значенья.
Любовь даёт великие права
прощать тебе грехи и развлеченья.

Я буду ждать, хоть ожиданье — ад.
Не осуждая, встрече буду рад!

59

Нет в мире нового, а то, что есть, —
всё было прежде: это повторенье
обманывает ум, смиряя спесь
от заблуждений первого творенья.

О, если бы архивов письменна,
хотя бы за пятьсот витков у солнца,
запечатлели бы те времена,
где о тебе мир рассказать берётся!

Что скажет самый древний переплёт?
Мы — лучше их, они — нас совершенней,
иль не меняет кругооборот
всё сущее в картине жизни бренной?

Уверен я, нет поисков напрасней:
нет в мире образцов, тебя прекрасней!

60

Как неуклонно напирают волны
на берег каменистый и крутой,
спешат минуты нашу жизнь наполнить,
чтоб волю дать и подарить покой.

Идёт ребёнок к зрелости с рожденья,
хотя, когда достигнет, станет стар,
а Время, увенчав венец творенья,
потом само же губит этот дар.

Наказывает нашу юность Время,
уродует морщинами на лбу.
С терпением несёт природа бремя
и ждёт свою осеннюю косьбу.

Я красоту твою воспел в стихах,
и образ будет жить во всех веках.

61

Зачем спокойный сон ты мой ukrала
и не даёшь покоя день и ночь?
Ты хочешь, чтобы дрёма обрывалась,
когда стоишь в глазах,
как тень точь-в-точь?

Ты будто бы со мной всё это время,
и я распахнут сердцем пред тобой:
и ложь, и праздность чувствую, как бремя,
постыдные поступки жгут виной.

Твоя ль любовь ревнует и страдает?
Но у тебя она хоть и сильна,
но только — жаль! — не велика бывает.
Меня МОЯ любовь лишает сна!

Тревожусь за тебя в сердечной муке,
когда другим близка, со мной в разлуке.

62

Грех самолюбования владеет
и мыслями, и сердцем, и душой.
В своём лице я вижу добродетель
и совершенной формой искушён.

Когда смотрю я на ребёнка, вижу,
в чертах прекрасных есть мои черты.
К тебе его, как к зеркалу, приближу,
и нет очаровательней, чем ты.

Как выглядит мой образ в самом деле,
я вижу сам в суровых зеркалах:
потасканный, в морщинах задубелый,
и вспоминаю о своих летах.

Меня вы переполнили собой,
мою украсив старость красотой.

63

Когда жизнь повернёт от утра к ночи
и Солнце в небе двинет на закат,
кругами чёрными покроешь очи,
приблизив погребения обряд,

тогда ты встретишь собственную старость
и будешь, как и я, разбита ей.

Часы земные станут горькой карой,
где жнёт судьбу покос ночей и дней.

Остра коса у времени — без лезвий
морщины красоту твою сотрут.
Когда твой образ в памяти исчезнет,
останется мой стихотворный труд.

В моих печальных строках всем на диво
ты будешь жить цветущей и красивой.

64

Я вижу часто, как ломает время
всё то, что было гордостью в веках,
богатство обращая в прах, и бремя
хоронит, осыпая до песка.

Большая башня наземь оседает,
и вечной бронзы может треснуть грань,
и океан на сушу наступает,
а почва побеждает океан.

Питают изобилие потери,
потери изобилием живут.
Но для меня нет бóльших потрясений,
чем потерять тебя когда-нибудь.

Боюсь, что Время заберёт любовь,
от этой мысли я рыдаю вновь.

65

Раз бронзу, камень, землю, даже море
осиливает смерть во все века,
то как же красоте судиться в горе,
коль силы у неё как у цветка?

Не устоять медовым вздохам лета
от сокрушительной осады дней,
коль скалы осыпаются от ветра
и горы рушит время-суховей.

Где самый драгоценный камень
укроет неземную красоту?
Кто может Время удержать руками
и удержать секунды на лету?

Но красоту моей прекрасной милой
помогут сохранить мои чернила.

Устав от жизни, призываю Смерть, —
устав иметь достоинства, как нищий,
и жалкое ничтожество не сметь
развенчивать, где повод есть для пищи,

смотреть на Веру, где лишь пепел жив
и почести, где честь не по заслуге,
где добродетели в силках у лжи
проституируют по всей округе,

на совершенство, чьё клеймо — позор,
на силу, что становится бессильной,
искусство, где от власти приговор,
добро на службе зла — слуга стерильный,

устав от этого, ушёл бы я,
но одинока здесь любовь моя.

67

О, почему во времени порочном
ты жить должна, облагородив всех,
чтоб скрасить нечисть всю

в канале сточном,
которая на трон возводит грех?

И почему мазок фальшивой краски
крадёт цвета у бесподобных роз,
наносит облик твой подобьем маски,
коль на себя нельзя взглянуть без слёз?

И почему пустая внешность эта
жизнь обнуляет нищетой своей?
Твой идеал есть истина поэта,
а мир живёт в счёт красоты твоей.

В тебе хранит природа всё богатство,
чтоб было миру на кого равняться!

Её лицо — как образец тех дней,
где красота жила и умирала,
как те цветы, которые родней,
чем каменная вечность идеала.

Она не знает завитых кудрей
и париков, искусственных и модных,
что украшают головы людей,
но лучше нет её волос природных.

Видны старинные в ней времена,
когда природа не приукрашалась
и грабить цвет, чем радует весна,
для сотворенья копии гнушалась.

Хранится в ней прекрасный эталон,
чтоб фальшь не занимала царский трон.

69

Красива ты, и каждый признаёт
достоинства твои и совершенство,
и должное тебе мир воздаёт,
и славословит друг и враг совместно.

Когда глядят на то, что видит глаз,
хвалу поют, а если смотрят дальше,
твои поступки в их глазах тотчас
к чертам твоим своей добавят фальши.

Они все обоняют твой цветок,
но едкое зловоние разносят.
Растёшь на почве, где растёт порок,
а люди милосердие не сносят.

Доступна ты, как и любой цветок,
и не накроет каждый рот платок.

70

Злословью ты не придавай значенье!
Прекрасное — мишень для клеветы,
орнаментом которой — подозренье,
и каркает ворона с высоты.

Будь ты хорошей, клевета людская
лишь подтвердит достоинство твоё,
которое, соблазнам потакая,
твой образ портит, словно дёготь мёд.

Ты вызываешь зависть и досаду,
хотя чиста, как утренний рассвет.
Но мало обойти молвы засаду,
когда шипят завистники вослед.

Тебе бы если б не вменяли грех,
владела бы одна сердца́ми всех!

71

Когда умру, оплакивай меня
не дольше, чем наш колокол угрюмый,
который сообщит о том, что я
оставил этот подлый мир безумный.

Когда прочтёшь последнюю строку,
прошу, чтоб ты меня не вспоминала:
я так тебя люблю, что не могу,
чтоб ты при мысли обо мне страдала.

Забудь руки сердечное письмо,
не вспоминай ни имя, ни признание.
Пускай твоя любовь умрёт со мной,
а вместе с ней и прошлое страданье.

Чтоб мир не видел, где слеза твоя,
тебя из-за меня не осмеял.

72

Чтоб мир не мог заставить рассказать
тебя о том, за что меня любила,
достоинством каким тебе под стать
моя любовь ответа заслужила,

когда закроет Смерть мои глаза,
забудь меня, ведь ты сказать не сможешь,
чем ценен я тебе, и доказать,
за что я стал тебе всего дороже.

Не сочиняй мне ложной похвалы,
которой не достоин был я раньше,
мои заслуги пред тобой малы,
но настоящая любовь без фальши.

Похорони со мной мои стихи,
чтоб не позорили мои грехи.

73

Во мне ты видишь времена природы,
когда от листьев остаётся тень,
которую трясёт озноб, и своды
забыли птиц, поющих целый день.

Во мне ты видишь сумерки такие,
что тихо гаснут в суете мирской,
и ночь на них покров земной накинёт,
как только Смерть дарует свой покой.

Ты чувствуешь огонь, который тлеет
в золе далёкой юности моей,
когда на смертном ложе вожделеет
угаснуть под тяжёлым гнётом дней.

Сильнее чувства жгут, когда узнаешь,
что любишь ты того, кого теряешь.

74

Мой дух земной был заключён в тебе.
Когда же выйдет он в свой срок на волю,
то я, покорный собственной судьбе,
оставлю на Земле земную долю.

Ты не горюй, когда я подытожу
земные счёты со своей судьбой,
но содержанием твоим продолжу
я жизнь свою, чтоб быть всегда с тобой.

Посмотришь на него и будешь видеть
мои живые, лучшие черты.
Вернётся в землю прах мой, как в обитель,
но лишь отбросы потеряешь ты.

Пускай червям мой прах принадлежит,
душа моя с тобою будет жить.

75

Ты мне нужна для жизни, как питанье,
как ливень — для земли. Виня судьбу,
для нашего спокойствия я втайне
готов вести неравную борьбу.

То я горжусь тобою, как богатством,
которым обладает человек,
то опасаюсь кражи со злорадством,
ведь за порогом вороватый век.

То выношу на свет свою я радость,
то с нею быть хочу наедине.
Один, я, как голодный, озираюсь,
насытись взглядом, вновь спешу к тебе.

То я — богач, то чахну без тебя,
и тяжелее мне день ото дня.

76

О, почему мои стихи лишились
разнообразия и перемен,
далёк от этих современных стилей
и странных сочетаний мой катрен?

И почему моим стихам не гожи
великолепные приёмы их?
Я почему пишу одно и то же,
и одинаков кажется мой стих?

Словам даю я новую одежду
и зашифровываю имена,
рожденье и происхождение — между,
чтоб о тебе узнали времена.

Как солнце каждый день старо и ново,
любовь моя творит, что было, снова.

77

На зеркалах твоих тускнеет время
и искажаются твои черты,
редеет волос и седеет темя,
морщины губят образ красоты.

Оставь души прекрасный отпечаток,
в которой много новых, свежих сил,
тогда не испугает дней остаток,
ни кладбище, ни чёрный зев могил.

Коль в солнечных часах земное время
у вечности ворует краткий миг,
оставь себя, расти земное семя,
чтоб день твой здесь бессмертие постиг.

И книгу жизни собственной твоей
продолжит запись жизни у детей.

78

В моих стихах ты — Музою античной
источник открываешь золотой.
Перо чужое, переняв обычай,
поэзию наполнило тобой.

Твои глаза научат петь немого,
невежество — летать на небесах,
дают науке крылья и двойного
изящества эпитетам в стихах.

Но только улучшают стиль поэты,
твоею восхищаясь красотой.
Мои же переполнены сонеты
тобою, как единственной звездой.

Ты стала для меня сама искусством,
возвысив до поэзии все чувства.

79

Пока одной тобой мой стих дышал,
я отражал одно лишь совершенство,
но опыт мой покрыла боль, и жаль,
но Муза уступает верховенство.

Достойна ты изящного пера,
но что б ни сочиняли вслед поэты,
в стихах их только пошлая игра,
и подражанием полны сонеты.

Они крадут в стихах твои черты,
ни на один не приближаясь волос
к тебе как эталону красоты
и повторяя твой прекрасный образ.

Поэтому их не благодари:
сама ты платишь им за их дары.

30

Терзает страх, когда пишу я милой
и знаю, кто использует её.

Меня своей он превосходит силой,
сковав мне мой язык из-за неё:

Твои достоинства, как океаны,
несут богатый парус и простой.
Мой беден чёлн, и жгут на сердце раны,
но смею появиться пред тобой.

Его корабль твои глубины мерит —
я не могу держаться на плаву.
Самодоволен он, а я — потерян
и сам до берегов не доплыву.

Коль преуспееет он в своей любви,
крах будет всей моей земной судьбы.

81

Я ль доживу до дней твоих последних,
а может, крах придёт моей судьбе,
но Смерть не заберёт стихов заветных,
в которых будет память о тебе.

Мои стихи как памятник любимой,
и тот, кто не рождён ещё на свет,
твоё бессмертное узнает имя,
которое прославит мой сонет.

Когда все те, кто дышат в этом мире,
в своих могилах будут видеть сны,
ты под моим пером воскреснешь в лире
для поколений будущих земных.

Ты будешь жить в моей строке сердечной,
где дышит жизнь дыханьем жизни вечной.

Моя простая Муза вдохновений
тебе не проникает больше в грудь,
читать ты можешь сотни посвящений,
когда тобою украшают труд.

Достоинства твои так превосходны,
что похвала моя тебе мала,
и ты должна искать сравнений модных,
которыми бы слава прибыла.

Изыскан слог поэтов в стиле новом,
но не риторикой был полон я,
когда писал тебя обычным словом,
в котором дышит истина твоя.

Нужны для бледного лица румяна,
а у тебя — ни одного изъяна.

Мои стихи скромны и не готовы
приукрашать природу красоты.
Тебя прельстили славой пустословы,
и ты не оценила простоты.

Тебе нужды нет в пышности сонета,
когда слывёшь свидетельством живым,
что не справляется перо поэта
с достойным описанием твоим.

Грехом считаешь ты моё молчанье,
но нет заслуги больше немоты.
Я, бессловесный в общем величанье,
не наносил вреда для красоты.

Ведь в каждом из твоих прекрасных глаз
есть больше жизни, чем в любом из нас.

84

Кто на земле тебя прославит дольше,
чем эта драгоценная хвала?
Такой, как ты, не будет в мире больше,
и равная тебе здесь не была.

Такая нищета царит в сонете,
когда тебе не отдаётся дань,
но только образ твой перо наметит,
облагородит этим свой роман.

Пускай поэт копирует природу,
не уменьшая прелести твоей,
а копия твоя ему в угоду
его прославит красотой своей.

Но красота твоя проклятью служит:
ты любишь лесть, которая всё хуже.

85

Перед тобою онемел мой стих,
и Муза связана со мной молчаньем,
а золотые перья у других
тебя пленяют пышным величаньем.

Поэты пишут верные слова,
воспев тебя в прекрасных выраженьях.
Моя полна тобою голова,
но уступает ум тебе в сравненьях.

Я восклицать весь день: «Аминь!» — готов
на каждый гимн, который дух рождает,
и говорить: «Всё верно!» — но любовь
на немому язык мой обрекает.

Цени за суесловие послов,
меня — за настоящую любовь.

Его ли парус выпретенных стихов
направил их к бесценному трофею,
лишив язык мой вдохновенных слов
и заперев все мысли, чем владею?

Его ли дух, что диктовал ему,
как смертным не дано, лишает речи?
Но ни ему, ни другу — никому
нельзя лишить нас с Музой
нежной встречи.

Не может похвалиться тот поэт
своей победой и моим молчаньем.
Не обессилен страхом я. О! Нет!
Не это переполнило страданьем.

Он внешностью твоей наполнил строки
и выпил из меня живые соки.

87

Ты дорога мне, чтоб себе присвоить,
известна и тебе твоя цена.

Такою честью можно удостоить,
но ты — свободна, ты мне не жена.

И чем я заслужил такое счастье?

Ведь основания никакого нет.

Я над тобою не имею власти
и возвращаю на тебя патент.

Быть может, ты цены себе не знала
или ошиблась, увлекаясь мной?

За этот дар моей оплаты мало,
и потому вернулась ты домой.

Я как во сне тобой владел, мой свет:
мне снилось, я — Король, проснулся — нет.

Когда меня принизить ты захочешь
и осмеять достоинства мои,
то я сочту за собственную почесть
возвысить добродетели твои.

Хотя б нарушила все клятвы наши,
я знаю лучше всех свои грехи
и расскажу о них без всякой фальши,
и о делах, бесчестных и плохих.

Когда ты одобрение получишь,
то это будет благо для меня.
Что лучше для тебя, вдвойне мне лучше:
твоя победа будет и моя.

Моя любовь тебе принадлежит,
из-за неё снесу всё без обид.

Скажи, что ты нашла во мне проступок,
лишила потому любви своей,
себя судить я буду без уступок,
никто не сможет обвинить сильней!

Заметишь если часом, что хромаю,
то сразу спотыкаться я начну,
запнусь тотчас, когда стихи читаю,
и даже имени не помяну.

Не покажу, что я знаком с тобою,
вести себя я буду как чужой.
Проникнутый к тебе большой любовью,
всю жизнь готов я спорить сам с собой.

Не должен буду я любить себя,
коль стала ненавидеть ты меня.

Забудь меня и отвернись теперь,
когда весь мир меня оставил в бездне,
закрой и ты со злой Фортуной дверь,
но стань потерей первой, не последней!

Не приходи, когда мою печаль
переживу я долгой ночью бурной,
и хоть тебе меня совсем не жаль,
но ночь не продолжай дождливым утром!

Оставь меня, но не в последний миг,
а в первый — не оттягивай погибель,
чтоб я с потерей этою постиг,
что большего несчастья я не видел!

Ведь если потеряю я тебя,
другой беды не будет для меня!

91

Один гордится редким мастерством,
другой — своим рождением и славой,
нарядом модным и своим умом
иль соколом, охотничьей легавой.

Кто ценит лошади горячий нрав,
а кто в богатстве празднует награду,
и сильный, наслаждаясь силой, прав.
Но я имею лишь одну отраду!

Всего дороже мне твоя любовь,
она даёт мне то, чем все гордятся.
Она ценнее мне всех соколов,
высокого рожденья и богатства.

Но если ты разлюбишь, на планете
я буду всех несчастнее на свете.

92

Не сможешь у меня украсть себя:
ты суждена была мне в жизни этой,
с тобою связана моя судьба.
Любовь умрёт, и песня будет спетой.

Моя судьба теперь — в твоих руках
и от твоей взаимности зависит.
Меня оставил повседневный страх,
и страх измены не терзает мысли.

За счастье мне твою любовь иметь,
но, если ты когда-нибудь разлюбишь,
сочту за счастье тотчас умереть.
Прекрасное благословляют люди.

Но солнце не бывает без пятна:
могу не знать, что ты мне не верна.

93

Живу, считая, что ты мне верна,
похожий на обманутого мужа.
Твоя любовь — лишь видимость: она
дохнула на меня, как в мае стужа.

Пусть только внешне предана ты мне,
а сердце остаётся в чуждом месте,
не вижу изменений я в тебе:
в тебе нет перемен, вражды и лести.

История неверности сердец
видна на лицах сморщенной гримасой,
но при рождении твоём творец
дал выражение любви прекрасной.

Похожа ты на яблоко у Евы,
коль добродетель не дала посевы.

Кто обладает силой, чтобы ранить,
не рая никого, кто рядом с ним;
кто движет миром, недвижим, как камень,
и стоек к искушениям земным, —

наследуют по праву милость неба,
себя не тратят, овладев собой.
Другие, совершенные от Феба,
в обычном мире правят красотой.

Цветок лесной дарил свой запах сладкий,
хотя бы жил и умер для себя,
но если был он на заразу падкий,
то сладость превратилась в горький яд.

Итог гниющих лилий был таков,
что аромат стал хуже сорняков.

95

Ты низость возвела на высоту:
она, как порча на прекрасной розе,
пятнает имя, портит красоту,
подав соблазн в прелестной, милой позе!

Кто видит день за днём твои дела
и знает толк в фривольных замечаньях,
тебя не судит — с губ одна хвала
слетает при твоём упоминанье.

Ты для пороков как роскошный дом:
на красоте твоей пятно любое
в глазах людей слывёт прекрасным сном.
Храни же преимущество такое!

При злоупотребленье острый нож
со временем становится не гожд.

96

Одни твердят, что твой порок —
беспутство,
винят другие молодость и грех,
а третьи видят тонкое искусство
в твоём очаровании для всех.

Хоть камень плох на пальце королевы,
но будет почитаем, как алмаз,
так недостатки у прекрасной девы
сияют добродетелью для нас.

Коль волка скрыла бы овечья шкура,
каких ягнят он съел бы на обед!
Ты соблазнять могла бы без Амура,
когда бы знала, что дано тебе!

Не делай это: я люблю тебя,
ты вся — моя, и честь твоя — моя.

97

Мне зимней стужей и холодным льдом
была с тобою горькая разлука!
Какой мороз терпел я день за днём...
О, как же долго продолжалась мука!

Я стыл под наготою декабря,
когда пылало лето, осень зрела,
весна цвела, но каждая заря
как в похоронном трауре скорбела.

Обильный урожай казался мне
мечтой сирот во чреве у вдовицы.
Ведь лето служит для тебя вдвойне,
а без тебя немеют даже птицы.

Кто запоёт — печальней нет солиста,
и от тоски бледнеют даже листья.

Когда с тобой в разлуке был весной,
апрель гордился собственным нарядом,
придав всему дух юности такой,
что злой Сатурн выплясывал с ним рядом.

Ни гомон птиц, ни аромат цветов
не звал меня сбежать с пустого склона,
нарвать букет, где рос цветной покров
великолепного, земного лона.

Я лилии не видел красоты
и не хвалил оттенок розы томной.
Они милы, но их милее ты,
ты образец для них с улыбкой скромной.

Я без тебя попал во власть к затмению:
играл с цветами, как с твоею тенью.

Фиалка новорожденная, сын мой,
мой миленький воришка, ты украл
свой сладкий аромат из уст любимой
и нежной копией её предстал!

Румяный пурпур свой на пухлых щёчках
ты взял со щёк возлюбленной моей.
Бранил я майоран за цвет на почках,
как цвет волос на голове твоей.

И лилии цвет рук твоих украли.
Три розы покраснели от стыда
за то, что цвет и запах твой вобрали,
и в них шипы вонзились навсегда.
За эту дерзость черви есть их стали.

Среди цветов таких в помине нет,
кто не украл твой запах или цвет.

100

О, Муза, где проходит твой полёт,
и почему о той сказать забыла,
кто всё твоё могущество даёт?
А может, у тебя ушла вся сила?

Ты стала тёмной тенью закулис
и свет даёшь для низменных предметов.
Былое вспомни и ко мне вернись,
и искупи стихами время это!

Ты пой на ухо песни для людей,
перо которых вдохновят картины,
и осмотри лицо любви моей:
не появились ли на нём морщины.

Восславь её быстрее, чем время жизни
косу наточит или нож для тризны.

101

О, Муза, чем искупишь в сонной выси
твоё забвеньё истины своей?
То — истина, что ты сейчас зависишь
от красоты возлюбленной моей!

«Для лучшего нет лучшего сравненья, —
возможно, скажет Муза мне в ответ. —
Ведь нет причины для приукрашенья,
пока есть собственный, природный цвет».

Не оттого ль она сейчас — немая,
что не нужна возлюбленной хвала?
Мои стихи продлят ей время мая,
чтоб и зимой красивою была!

Чтоб все века, что будут после нас,
она была прекрасна, как сейчас!

102

Моя любовь становится сильнее,
но кажется слабей. Не в том обида.
Ведь как товары падают в цене,
так нет любви в признаниях для вида.

Когда была весенняя пора,
то для тебя не умолкала песня,
как Филомела*, пела до утра,
и даже ночь стихала повсеместно.

Но летом соловей не станет петь:
деревья от плодов отяжелели,
и музыка обременяет ветвь,
поэтому стихают звуки трели.

Тебе наскучить песней не хочу,
поэтому я иногда молчу.

* Соловей.

103

Перед тобой убогой стала Муза,
хотя возможность есть собой блеснуть.
Не зная украшений и искусства,
ценнее тем твоя простая суть!

Моя хвала тебе добавит славу?
О, не вини, что не могу писать!
Ты видишь в зеркалах то, что по праву
пера любого превосходит власть.

Моя строка клеймит меня позором:
тебя улучшить было бы грешно,
описывая образом, в котором
сияние твоё искажено.

Мой бедный стих не может показать,
что могут зеркала тебе сказать.

104

Ты постареть не сможешь для меня:
какой была, такую и осталась.
Как я увидел первый раз тебя,
так и сегодня предо мной предстала.

Уж три зимы прошли и снег осел,
и три весны отдали листья в осень,
три раза аромат цветов сгорел,
когда июньский зной бывал несносен,

а ты юна, красива и нежна.
Но красота — как стрелка часовая:
чем дальше продвигается она,
тем дальше юность и цветенье мая.

Наступит новый век, и красота
достанется ему уже не та.

105

Моя любовь не знает глупой лести,
и мне возлюбленная не кумир,
но ей одной посвящены все песни,
и только ею зарифмован мир.

Её черты благи и совершенны:
добра сегодня, завтра и вчера,
поэтому и строки неизменны,
и ей одной — признания пера.

Добра, верна, прекрасна —
без сравненья! —
вы можете в моих стихах прочесть.
На это трачу жар воображенья
и повторять сочту себе за честь.

Слова те в мир пришли поодиночке,
пока она не собрала их в строчке.

106

В преданиях былых, далёких дней
я вижу описания достойных,
умнейших, добродетельных людей,
прекрасных дев и кавалеров стройных.

Они дают намёки на черты
той красоты божественной природы,
которой обладаешь ныне ты.
Тебя они увидели сквозь годы.

Поэтам не хватило мастерства
изобразить такое совершенство:
воочию не знали естества,
перед которым слово — только средство.

Хотя тебя мы видим, но пока
и нам воздать хвалу — нет языка.

107

Ни страхи, ни прозрения на деле
не знают сроков истинной любви:
когда ей надо одолеть пределы
и лунные затмения судьбы.

Смеются над пророчеством авгуры:
что было слабым, неопределённым,
приобретает контуры фигуры
и коронуется новорождённым!

Так время дарит вечные оливы,
и с каплями целительного масла
я стал и обновлённый, и счастливый,
надежда есть, и вера не погасла!

Средь бессловесных, глупеньких племён
наш дух земной в бессмертье вознесён!

108

Чего я не могу оформить словом,
чего письмо не выразит моё?
Как показать в стихотворенье новом
свою любовь, достоинство твоё?

Мой милый мальчик, ничего не знаю,
но, как молитву, должен повторять,
что прежний слог я старым не считаю:
«Ты — мой, я — твой», — скажу тебе опять.

Когда тебя благословил на лире,
впервые нежным именем назвал,
я заново родился в этом мире
и петь хвалу любви не уставал.

Она порою возрождает нас,
когда мы ожидаем смертный час.

109

Я жив одним дыханием с тобою,
и ты сама, родная, посуди:
могу ли я расстаться сам с собою,
когда моя душа — в твоей груди?

Там дом моей любви, тебе в угоду
туда я возвращаюсь много лет
и приношу тебе живую воду,
которая оставит вечный след.

Хотя имею слабости иные,
но ни на что не променяю то,
что воплощаешь ты в себе отныне.
Мне без тебя весь этот мир — ничто.

Ты — всё, что у меня на свете есть:
в тебе — вся жизнь моя и дар небес.

Я раньше кочевал сродни бродяге
и был шутком в глазах других людей,
писал карикатуры на бумаге
и был дешёвым продавцом идей.

В любви был грешен и, чужой на бале,
я верности в своей душе не знал,
но испытания мне доказали,
что ты — моя любовь и идеал.

Покончил я с изменами своими:
тебе я буду верен до конца.
Твоё не запятнаю больше имя,
не уроню перед тобой лица.

Ты будь моей звездой впереди
и дай приют на любящей груди.

111

Вини мою Фортуна за меня,
виновную в моих дурных поступках,
вульгарный театральный круг браня,
чью низость я в себя впитал, как губка.

Отсюда — имя стало как клеймо,
и вся моя беспутная натура
отмечена безжалостной сурьмой
красильщика под маской балагура.

Но пожалей меня и пожелай,
чтоб я воскрес для новой жизни вскоре.
Послушный пациент твой, так и знай:
я от тебя снесу любую горечь.

Для излечения нужна мне малость —
твоя простая, искренняя жалость.

112

Любовь твоя моё клеймо залечит,
которое на лбу поставил свет.
Мне дела нет до мастеров заплечных,
что сплетни распускают мне вослед.

Ты изменила жизнь мою дурную
и улучшаешь мир вокруг меня.
Я для других людей не существую
и равнодушной к ним день ото дня.

С твоим своё я мнение сверяю,
а мнения другие не важны.
Я больше никому не доверяю:
и льстец, и критик для меня равны.

Тобой полна вся голова и мысли,
душа иных не допускает истин.

113

С тех пор как мы в разлуке, то и дело
я слепну и бываю сам не свой:
не вижу ни цветов, ни формы тела,
не замечаю птиц над головой.

Я равнодушен к быстрым измененьям,
не чувствую текущих перемен.
Жизнь потеряла смысл и без движенья
во времени земном попала в плен.

Когда я вижу горы или море,
ворон, голубку, утро или ночь,
твои черты меняют всё во взоре,
и кажется, что это ты — точь-в-точь.

Душа моя наполнена тобой,
и ты одна стоишь передо мной.

Тобою мне оказанная честь
меня короновала до монарха,
и стал я жадно пить любую лесть,
и находить алмазы в куче праха.

Любовь свою алхимию творит,
родив на этом свете херувима,
из худшего взяв лучшее, и вид
напоминает облик твой любимый.

Чудовищем кажусь я сам себе,
когда я вижу кроху пред собою,
и благодарен я своей судьбе,
и кубок пью, наполненный любовью!

Пусть он отравлен — это меньший грех,
когда я стал сейчас счастливей всех!

115

Я лгал, когда до этого писал,
что не могу любить тебя сильнее.
Мой бедный ум тогда ещё не знал,
какой размер моя любовь имеет.

Быть может, ярче пламя у огня,
когда он разгорается до неба?
Иной раз обстоятельства вина,
король нам дарит зрелищ вместо хлеба.

Со временем тускнеет красота
и в чувствах происходят измененья...
Не смел сказать тебе я в те лета,
что мог любить сильнее, без сомненья!

Любовь — дитя: со временем растёт.
Как мог об этом знать я наперёд?

Я не помеха брачному союзу,
но та любовь и не любовь была,
что превратилась для себя в обузу,
когда под гнётом буден истекла.

О нет, она имеет высоту такую,
что планку не снижает никогда.
Блуждающей ладье во тьму люблюю
она сияет в небе, как звезда.

Любовь не шут у короля иного:
хотя стареет красота лица
под взмах серпа у Времени земного,
она не изменяет до конца.

И если это ложь — я не любил
и не писал, и на земле не жил.

117

Вини меня, что я не оценил
твои заслуги, и под струны Музы
я о любви тебя уж не просил,
с которой всё теснее наши узы.

Я часто знался с чуждыми людьми,
впустую тратил время в светской фальши,
крадя его у собственной любви,
и парус уносил меня всё дальше.

Я в заблуждениях поднаторел,
и своенравие питало ядом.
Возьми меня сейчас на свой прицел,
но не стреляй в меня враждебным
взглядом!

Я доказать старался всем на свете
твою любовь ко мне и добродетель.

Чтоб был у нас хороший аппетит,
мы острой смесью возбуждаем нёбо.
Желая свой недуг предотвратить,
мы очищенье делаем особо.

Твоей переполняясь красотой,
боялся поглощения — из перца
готов я был принять такой настой,
чтоб вырвать навсегда тебя из сердца.

Но я спросить тебя сейчас хочу:
предотвращая все свои болезни,
возможно ли уменьшить силу чувств?
Увы! Все средства были бесполезны.

Лекарства отравляют тех собой,
кто так жестоко заболел тобой.

119

Я пил настой из слёз Сирены сладкой
из кубков мерзких, словно сам аид,
сменив надежду страхом и обратно,
проигрывал, надеясь победить.

И сердце ошибалось в исступленье:
пока был счастлив или знаменит,
от лихорадки страсти знал затмение:
глаза аж вылезали из орбит.

Змеиный яд — бесценная основа
в лекарстве от болезней наших дней.
Былые чувства возрождая снова,
мы строим мир прекрасней и прочней.

К тебе я, пристыжённый, возвращаюсь
и обретаю больше, чем теряю.

120

Со мной ты раньше дурно обошлась,
но это мне сейчас пошло на пользу.
От боли, что пронзила, как игла,
я подарил тебе свою занозу.

Но нервы не железо и не медь,
и если от меня ты в потрясенье,
то я и вовсе мог бы умереть,
когда бы не простил в одно мгновенье.

О, если эта горестная ночь
напомнила о пережитых чувствах,
я мог бы предложить бальзам точь-в-точь,
как ты мне предложила безыскусно.

Чтоб той расплатой горькой не томиться,
должны смириться мы и помириться.

121

Уж лучше грешным быть, чем им казаться,
когда все осуждают не за грех,
а приговор выносит сплетник статский,
когда себя считает выше всех.

Зачем, как омерзительные клерки,
следите вы за слабостью моей
и судите меня по общей мерке,
а сами тонете в грязи своей?

Да, я — такой, как есть! Кто дал вам право
судить мои поступки по себе?
Свою мораль испорченного нрава
вы применяйте к собственной судьбе!

Перекосила скверна вас во зле
и торжествует с вами на земле.

122

Я потерял подарок твой, дневник.
Но разве мог он заменить мне память?
Она меня питает, как родник,
пока я существую вместе с вами.

И на пороге вечности моей,
когда иссякнут все земные сроки,
я буду помнить всё в душе своей
и даже то, о чём не скажут строки.

Мне не нужны квитанции в любви,
чтоб завести её учёт дословный,
воспоминанья вверил я свои
душе моей, горячей и свободной.

Писать дневник, чтоб помнить про тебя, —
признаться в том, что стал забывчив я.

123

Нет, время! Нет во мне тех перемен,
как в этой обновлённой пирамиде,
перелицованной из старых стен,
как будто бы такие я не видел!

Жизнь коротка, и, радуясь судьбе,
скорей сочтём за новое мы что-то,
чем вновь признаемся самим себе,
что мир играет нам по старым нотам.

Я бросил вызов веку своему,
не удивляясь прошлым дням и новым.
Пришлось в таком обмане самому
быть к продолжению себя готовым.

Я выполнил свой собственный обет
и новое рождение дал себе.

124

О, если б мой новорождённый сын
был у Фортуны незаконным сыном,
он был бы безотцовщиной босым
и у Судьбы стал пасынком невинным.

Но он родился по большой любви
не сорняком, а праздничным букетом,
и создан не случайно для Судьбы,
благословённый Музой и сонетом.

Ему нужды нет в том, что ищем мы,
и не страшны уловки негодяев,
тех, кто у счастья час берёт взаймы,
не отдавая долг, его теряет.

Дитя! Твоё прекрасное рожденье
не ведает ни зла, ни преступления.

125

Когда бы над тобой нёс балдахин
и отдавал бы приторную почесть,
читая нарочитые стихи,
что означал бы ряд фальшивых строчек?

Иль клялся вечностью в любви своей?
А вечность эта может быть короче,
чем взмах ресницы собственной твоей,
чем длятся летом северные ночи.

Тот, кто живёт и любит напоказ,
теряет всё, не ведая опаски,
меняет вечность на эффектный час,
застыв в своей притворной, жалкой маске.

Но без таких уловок, безыскусно
меняю на свои твои я чувства.

Прекрасный мальчик, ты в своих руках
несёшь и серп, и зеркало с часами,
как вечный символ Времени в веках,
поставленный Природой перед нами.

Природа рушит жизненный уклад
и год от года делает нас старше,
но возвращает каждый раз назад,
когда нам отпускает бремя наше.

Во всей природе — увяданья семя,
но создала она тебя для жизни,
чтоб посрамить своим искусством время,
забыв на миг свои минуты тризны.

Когда ты тратишь жизнь на наслажденья,
она предъявит счёты, без сомненья.

127

Красивым не был раньше чёрный цвет,
а ныне стал наследником законным
природной красоты, но высший свет
не чтит его достойным для мадонны.

С тех пор, как может каждая жена
расписывать себя фальшивой краской,
вся красота была осквернена
и изгнана с позорною оглаской.

Любимой брови и глаза черны:
она как будто носит чёрный траур
по девам, что прекрасны и нежны,
но их природа моде не по нраву.

Но траур так идёт её глазам,
что красоту их видит каждый сам.

128

Ты музыка моя, когда играешь
и звуками прекрасными полна.
Когда ты нежно древесину гладишь,
то музыкой становится она.

И клавиши твои от счастья стонут,
когда касаются их пальцы рук,
а губы у меня горят и сохнут
и учащается сердечный стук.

Завидую я клавишам: доколе
им можно целовать твою ладонь?
Хочу я поменяться с ними в роли,
чтоб до тебя коснулся мой огонь.

Пусть музыка под пальцами танцует,
но губы мне отдай для поцелуев!

129

Растрату духа, совести, стыда
навязывает низким душам похоть.
Кто в плен её попал, тот навсегда
познал её коварство и жестокость.

Охотятся за жертвою своей,
а после ненавидят, как приманку,
как будто кто-то соблазняет ей,
сменив блаженство на его изнанку.

И постепенно сводит тех с ума,
кто алчет жертву и кто обладает.
За обещаньем радости — обман,
который, словно сон, потом растает.

Все это знают, но у райских врат
как избежать дороги в этот ад?

130

Глаза моей возлюбленной не Солнце,
и губы не кораллы, нос как нос,
грудь белоснежную не назовётся,
и чёрной гривой вьёт спираль волос.

Я много видел роз в далёких странах,
но краски на её щеках слабей.
Есть у лесных цветов приятней запах,
чем аромат возлюбленной моей.

И голос у неё не соловьиный:
у музыки приятней чистый звук.
Не знаю я, как шествуют богини,
но от её походки крепкий стук.

Она не уступает тем не менее
всем женщинам, оболганным сравнением.

131

Она жестока так же, как и те,
чьа прелесть придаёт лицу надменность.
Она не идеал по красоте,
но дорога мне, словно драгоценность!

Когда твердят: такая красота
не восхищает чувством благодатным,
не спорю я, что это — клевета,
хотя клянусь себе совсем в обратном.

Не надо доказательств для меня:
вы ей вослед и так свернули шеи.
А чернота её светлее дня,
поэтому для вас — как цель в мишени.

Причина даже не в её поступках,
а в осуждении и пошлых шутках.

132

Люблю твои печальные глаза:
они как будто траур надевают,
жалая, что мне нет пути назад,
когда в душе все чувства остывают.

Так солнце не украсит никогда
бескровных щёк на небесах востока,
и мрачный запад яркая звезда
не озарит сиянием потока.

Тень под глазами придаёт печаль,
когда ко мне относишься с презрением.
Хотя тебе меня уже не жаль,
но траур в сердце стал бы утешеньем.

Клянусь, что в черноте вся красота:
мне неприятны все, в ком масть не та.

133

Ты в сердце мне забила сотни жал,
и горько проклял всё я в одночасье.
Неужто одного меня не жаль?
И другу ты несёшь одно несчастье...

Отняли у меня твои глаза
и самого себя, и сердце друга.
Свою любовь ты забрала назад,
а я — в плену любовного недуга.

Тройную пытку нужно так пресечь:
ты заточи меня в своей груди,
но друга моего освободи.
Я буду, словно страж, его беречь.

Но если сердце станет вдруг твоим,
то всё — твоё, что было в нём моим!

134

Итак, я признаю: она — твоя!
А я — заложник этого решенья.
Я откажусь от права на себя,
чтоб ты вернул её для утешенья.

Что значит благородство для тебя?
Её ко мне не подпускаешь снова.
Ты стал моим гарантом за меня,
и подпись на моих стихах готова.

Она же применяет красоту,
как ростовщик, который ищет прибыль,
и, привлекая к своему суду,
использует меня мне на погибель.

Ты платишь за меня, владея ей,
а я плачу свободой своей.

135

Единственного в мире ждёт Даная,
а у тебя их больше одного.
Я всех их заменить могу, родная,
и обещаю более того.

Неужто под своим победным флагом
моё желанье не вместишь в своём?
Желания других считая благом,
зачем моё относишь на потом?

Тебя прельщает полная свобода,
желания растут, как снежный ком!
Моря полны воды́, но их природа
дождь принимает в полный водоём.

Тебя я умоляю об одном:
исполнить все желания вдвоём.

136

Не упрекай, что я так откровенен,
в желаниях твоих я — твой Уилл^{*}.
Коль я в их исполненье неизменен,
исполни притязания мои!

Пусть буду я с тобой одним из многих,
дай доступ мне к сокровищу любви,
останусь я одним с тобой в итоге
и буду все желания ловить.

Один есть ничего в составе чисел
и будет для тебя нулю сродни.
Я никогда от списков не зависел:
считай — нулём, но буду я — одним!

Любимым сделай только моё имя,
и стану я желаньями твоими!

^{*} Воля, желание.

137

Любовь меня слепит, как темнота.
Глаза не видят то, что видит каждый!
Я знаю, что такое красота,
но не за ней мои стремятся взгляды.

Я встал на якорь в бухте страсти там,
где от мужчин свободного нет места.
Ты так понравилась моим глазам,
что здравый смысл моё покинул сердце.

На твой крючок попался я зачем,
какое право я имел на чувства?
Они принадлежат — увы! — здесь всем,
но я не верю сам себе искусно...

Готов всю жизнь я заблуждаться дальше
и видеть добродетель даже в фальши!

138

Когда любимая даёт надежду,
что мне она по-прежнему верна,
то почему себя я верой тешу,
хотя и знаю, что мне лжёт она?

Она сочла меня юнцом наивным,
который к фальши мира не привык?
Но я желаю просто быть счастливым
и верю в то, что говорит язык.

Нужна ли мне не ложь, а откровенность
в плену твоих таких прекрасных чар?
Скрывай и дальше от меня неверность,
чтоб я забыл перед тобой, что стар.

Такая ложь милее всех наград,
когда ты сам обманываться рад.

139

Не призывай оправдывать мне зло
от женских чар твоей игры жестокой:
оно большое горе принесло,
поэтому не будь такой плутовкой!

Рассказывай мне о любви к другим,
но не смотри на них влюблённым
взглядом!

Что за нужда терзать мне сердце им,
когда я побеждён и сломлен рядом?

Дай извинить тебя в грехах твоих,
сказав себе: «Моя любовь кокетством
отводит гнев соперников моих,
и флирт является лишь женским
средством».

Я ведь почти убит, чего же боле?
Добей же взглядом и избавь от боли!

140

Мудра будь, как жестока, чтобы снова
терпенья моего не угнетать,
и с губ моих не вылетало слово,
где боль взывает к жалости опять.

Когда б могла ты стать благоразумной
и говорила о своей любви,
хотя бы ложь твоя была безумной,
я был бы счастлив от такой судьбы.

Так делают брюзгливые больные:
когда их смерти не остановить,
то не нужны им новости иные,
как только обещанье долго жить.

Чтоб не сошёл с ума, прокляв тебя,
любимая, гляди лишь на меня!

141

Нет, не глазами я тебя люблю,
которые твои изъяны знают.
Но сердце любит, хоть в душе и злюсь,
то, что они, всё видя, презирают.

Не нравится мне голос твой земной,
и неги не даёт прикосновенье,
пять чувств не управляют больше мной:
настигло словно умопомраченье.

Ни доводы ума, ни мудрость слов
понять не могут глупые причины
служить тебе, хранить к тебе любовь
и жалким быть подобием мужчины.

Моей любви одно есть оправданье,
что за грехи мне — Божье наказанье.

142

Любовь — мой грех, в момент игры
любовной
для добродетели твоей претит.
Мой грех основан на любви греховной,
твоя любовь имеет только вид.

Сравнить возможно наши состоянья?
Я от тебя не заслужил укор,
а если заслужил я нареканья,
то не из уст твоих до этих пор.

Орнамент алых губ ты осквернила,
когда других обхаживал твой взгляд.
Люблю тебя, как ты их всех любила,
когда хотел тобой я обладать.

Когда ты хочешь то, что не имеешь,
сама пожнёшь всё то, что и посеешь.

143

Смотри, бежит заботливая мать,
отбить цыплёнка хочет от вороны.
Её дитя готово зарыдать,
протягивая вслед за ней ладони.

Дитя хватает за подол её,
но мать в пылу его не замечает.
Младенец бедный плачет и зовёт,
она внимания не обращает.

Ты у своих страстей всегда в плену,
как белка в колесе своих желаний,
а я кричу, зову тебя одну,
как брошенный младенец от страданий.

Молюсь, чтоб ты до цели добежала,
утетила меня и приласкала.

144

Мне сердце разжигают две любви,
отчаянье даря и утешенье!
Два духа, роковые для судьбы,
удваивают все мои лишенья.

Один из них — мой белокурый друг,
другая — женщина, как чёрный демон.
Они меня замкнули в адский круг,
друг друга увлекая этим пленом.

Как искуситель любит чистоту
и соблазняет нечестивым блеском,
чтоб ангел погрузился в пустоту
и стал как чёрный дух в пороке мерзком!

Они дружны, а я томлюсь и предан,
жду, что прогонит ангела мой демон.

145

Рука Любви ваяла эти губы,
которые меня низвергли в ад.
Сказала: «Ненавижу...» — через зубы,
и мукою наполнился мой взгляд.

Ты поняла всю тяжесть состоянья
и, принимая мой немой укор,
ко мне прониклась болью состраданья,
браня язык, который был так скор.

Ты изменила смысл первоначальный,
и наступил в душе прекрасный день,
а ночь, как демон чёрный и печальный,
оставила на память только тень.

Ты после «ненавижу...», погодя,
спасла мне жизнь, добавив: «Не тебя...»

146

О! Бедная душа, ты, без сомненья,
мятежной силой скована моей!
Ты чахнешь, переносишь все лишения,
украсив внешность, дань приносишь ей?

Зачем такую цену в жизни платишь
в короткий срок своих земных аренд,
невероятно силу чувства тратишь
и тем самой себе наносишь вред?

Наследник — червь былых,
 земных излишеств,
не оставляет от красоты следа.
Живи, моя душа, за счёт тех пиршеств,
в которых плоть моя — твоя еда.

Смени мирскую суету на Лиру,
и Смерть бессмертие уступит миру.

147

Моя любовь в крови, как лихорадка,
которая всего меня трясёт,
и не поможет божия лампадка,
от ран сердечных не излечит йод.

Рассудок — врач, лечивший от болезни,
разгневан тем, что я не выполнял
его рецептов, умных и полезных:
противоядья не находит яд.

На опыте своём я убеждаюсь,
что страсть такая — всё равно что смерть.
В смятении я, как безумец, маюсь
и образ в сердце перепутан весь.

Я днём клянусь, что ты добра, прекрасна,
но вечером — как ад, а в ночь — опасна...

148

Я потерял весь разум от любви
и не уверен стал в своём сужденье.
Куда пропал мой здравый смысл, увы?
Он ложно судит то, что видит зренье!

Ты так нежна, прекрасна и горда,
и взгляд мой лишь тебя так обожает,
но что имеет мир в виду, когда
мне несогласье бурно выражает?

Глаза любви не могут быть верны,
когда они измучены слезами.
Дороги солнцу в небе не видны,
пока оно закрыто облаками.

Любовь затмила разум мне слезами,
чтоб не открылись все изъяны сами.

149

Не можешь ты сказать, что не люблю,
когда из-за тебя себя тираню.
Всегда держу я сторону твою
и зачастую только сердце раню.

Кого назвал приятелем своим
из тех, кто на тебя исходит ядом?
Кого из тех, кто под клеймом твоим,
я удостоил словом или взглядом?

Какую помню из заслуг своих,
когда перед тобою преклоняюсь
и, повинясь взгляду глаз твоих,
тебе служу послушно или маюсь?

В своей любви к тебе я так нелеп:
ты любишь тех, кто видит, а я — слеп!

150

Какой ты обладаешь высшей силой
и властью над моей душой простой,
что недостатками мне стала милой,
а свет не мил стал без тебя одной?

Не вижу я в тебе того дурного,
что с наслаждением осуждаем мы.
Твои поступки худшие мне снова
дороже добродетелей земных.

Чем больше слышу о тебе плохого,
тем более я ненавижу всех.
Так подари мне ласковое слово
за то, что я в тебе не вижу грех.

Не презирай меня в любви моей,
достоинее здесь нет любви твоей!

151

Не знает совесть юная любовь,
но зачастую дарит угрызенья.
Но не подталкивай меня к ним вновь,
сама виновна будешь, без сомненья.

Когда в любви ты даришь мне себя
и отдаюсь тебе я бранным телом,
благословляется моя судьба,
не внемлет плоть резонам неумелым.

Но, поднимаясь, словно гордый меч,
тебя возводит в редкие трофеи,
игра такая стоит ярких свеч,
и я слуга у ног прекрасной феи.

Не недостаток совести любовь:
она нас, падших, возвышает вновь!

152

В любви я был отступник. Но к несчастью
твоя вина вдвойне передо мной,
когда клялась мне в верности со страстью,
супружеский обет нарушив свой.

Зачем тебя я в этом обвиняю,
когда нарушил клятвы двадцать раз?
Я клялся той, которой нет, но знаю:
глаза мне ослепила эта страсть.

В конце концов в тебя утратил веру.
Когда я клялся в чистоте твоей,
мои слова ни в чём не знали меру:
я был уверен в правоте своей.

Я в заблуждениях был как слепец,
но ослеплениям пришёл конец!

153

Уснул, забыв свой факел Купидон.
Его нашла на берегу Диана
и зажигающий любовь огонь
в источник погрузила утром рано.

Он принял от огня священный жар
и стал лечить различные болезни.
Но факел вновь зажёт твой взгляд. Пожар
в груди моей пылает всем известный.

Чтоб излечиться от своей любви,
я поспешил к источнику купаний
печальным посетителем — увы!
Там нет лекарства от моих страданий.

Я не нашёл в купанье облегченье:
в глазах моей возлюбленной — лечение.

154

Однажды бог Любви спокойно спал,
оставив факел тлеть на дне тумана.
Бежали мимо нимфы между скал,
и факел подняла сама Диана.

Огонь, зажегший множество сердец,
который подчинял любовью властно,
Диана остудила, наконец,
в источнике холодном и прекрасном.

Источник получил небесный жар
и стал целительным, всеобщим средством.
Но от возлюбленной моей пожар
не потушить и всей водой окрестной.

Огонь любви подогревает воду,
но от любви вода не даст свободу.

Литературно-художественное издание

Уильям Шекспир

СОНЕТЫ

Художественный перевод

Ирины Шулениной

Компьютерная вёрстка — *Александр Громов*

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено

Самарской областной писательской организацией
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01; e-mail: litsamara@yandex.ru

Подписано в печать 01.07.2024. Формат издания 70x100/₃₂.
Объём 6,5 печ.л. Гарнитура Warnock Pro. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии АМИРИТ,
г. Саратов, ул. Чернышевского, 88У, тел.: +7-8452-24-85-33.